

*Афанасий Афанасьевич и Мария Петровна Фет. Фото Ф.Мебиуса.
Москва. Начало 1860-х гг.*

Кто не догадается, тот ничего не поймет
<...>»³.

Чтобы нагляднее представить упреки Полонского, напомним текст фетовского стихотворения:

*Качаяся, звезды мигали лучами
На темных зыбях Средиземного моря,
А мы любовались с тобою огнями,
Что мчатся под нами, с небесными
споря.*

*В каком-то забвеньи, немом и
целебном,
Смотрел я в тот блеск, отдаваясь
неге;*

*Казалось, рулем управляя волшебным,
Глубоко ты грудь мне взрезаешь в
побеге.*

*И там, в глубине, молодая царица,
Бегут пред тобой светоносные
пятна,*

*И этих несметных огней вереница
Одной лишь тебе и видна и понятна.*

Стихотворение, по признанию самого Фета, сделанному им в письме к К.Р. от 17 марта 1891 года, основано на «фосфорическом подводном освещении», которое он наблюдал в Средиземном море. И в том же письме поэт соглашается

признать «необузданно смелым отождествление собственной груди с морем, взрезаемым килем корабля», однако «это сравнение так животрепещуще передает то, что мне хотелось сказать, что я готов за него подвергнуться самым беспощадным упрекам»⁴.

У Фета слова, можно сказать, сдвинуты с привычных мест, они не допускают «буквалистского» отношения к себе. «Вещественные» значения их как бы размыты, взяты в отвлеченном, переносном, метафорическом плане. Характеризуя вполне определенное явление природы, фетовское слово обрастает вместе с рядом добавочных значений и ассоциаций. То же слово *глубина* в стихотворении «Качаяся, звезды мигали лучами...». Слово это, кстати сказать, одно из ключевых в лирике Фета. Образ глубины, как природной (подводной, надзвездной), так и душевной, проходит через многие его стихотворения: «Романс» («Злая песнь! Как больно возмутила...»), «На стоге сена ночью южной...», «Прибой», «Какое счастье: и ночь, и мы одни!..» и др.

Можно сказать, что «философский лиризм» стихотворения «Качаяся, звезды мигали лучами...» выявляется именно с помощью образа глубины: влияние его смыслового поля на все стихотворение очевидно. Художественное пространство

лирической пьесы завораживает своим «фосфорическим подводным освещением» и погружает нас в удивительный, волшебный мир необычных мыслей и «необузданно смелых», дерзновенных образов, которые «животрепещуще» передают *глубину*, мощь человеческой любви-страсти.

Полонский оценил стихотворение Фета исходя не из непосредственного поэтического впечатления, а с точки зрения формальной логики, «здорового» смысла, — критерий, применительно к Фету, слишком шаткий, если не сказать, неверный, ибо не учитывает специфики его творческой индивидуальности. Сам поэт предпочитал плоской, утилитарной «ясности» — «неясность» загадочную, поэтическую.

Показательна на этот счет правка Фетом одного из стихотворений Полонского — «Деревенский сон». В целом Фет высоко оценил это стихотворение, но ему не понравился «проповеднический тон» его заключительного двустишия. Фет заменил концовку следующими стихами:

*А пожалуй, сбывшись,
Сон-то и обманет.*

Эту замену Фет прокомментировал в письме Полонскому (от 10 декабря 1891 года): «Страхов постоянно упрекает меня в неясности моих стихов, а я, как ты ви-